

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ДОКУМЕНТ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(г. Томск, 29–30 октября 2009 г.)*

Томск
2010

Д.Н. Шевелев

**ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ И ДЕКЛАРАЦИЯХ
СИБИРСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
(АВГУСТ 1917 – ЯНВАРЬ 1918 г.)**

Гражданская война в России стала не только широкомасштабным вооруженным противостоянием, в основе которого лежали острые политические, экономические и социальные противоречия, но и первым в истории страны крупным внутренним конфликтом, в котором на первый план выходит антагонизм мировоззрений, отчетливо проявляется идеологический фактор. Впервые в истории России противостоящие стороны стремились не только уничтожить противника физически, но и подавить морально, низвести его в глазах населения до уровня темной злой силы, лишённой каких-либо человеческих качеств.

Начавшаяся гражданская война требовала от образовавшихся в большом количестве на территории бывшей Российской империи правительств обеспечить армию притоком новобранцев и мобилизовать тыл для успешной вооруженной борьбы. Эта стало своеобразной проверкой политических режимов на жизнеспособность. «Надо, – писал в своем дневнике в мае 1919 г. главный начальник снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем генерал-лейтенант А.П. Будберг, – приносить с собой порядок и хлеб, сапоги, чай, сахар, ситец и т. п.; надо, чтобы «при нас» было лучше, чем было «при них», и эта разница должна быть резкая, реальная и чувствительная... Все это важно не менее, чем снабжение самой армии, ибо в этом залог спокойного и доброжелательного к нам отношения населения, без чего успех наступления и окончательный выигрыш нашего дела едва ли достигим». Однако в условиях гражданской войны одних только этих мер было явно недостаточно. В перспективе следовало убедить население в преимуществах своей модели общественного развития, своего социального проекта, но для начала необходимо было сделать образ самой власти привлекательным, близким народу. В сибирской печати образ власти, в основе которой лежала идея областной автономии, начинает формироваться еще до Октябрьского переворота, до начала Гражданской войны, в период зарождения сибирской государственности.

2 августа 1917 г. в Томске «обширный, светлый зал новой университетской библиотеки... стал наполняться делегатами областей, губерний и городов Сибири». «Назначенный час для открытия съезда давно миновал, – писала «Сибирская жизнь», – но все чего-то ждали, не решаясь

объявить съезд открытым. Не верилось, что эта сотня собравшихся, среди которых так много знакомых томских лиц, есть всесибирский съезд, слово которого будет словом края, насчитывающего свыше ста миллионов квадратных верст и свыше десятка миллионов населения. Ожидавшие чего-то внушительного, торжественного были глубоко разочарованы» [1. 4 авг.]. Один из делегатов, профессор Левченко, указав на малочисленность собравшихся, предложил считать съезд «предварительным». На следующий день выяснилось общее количество полномочных делегатов – 63, в том числе 46 чел. представляли Томск и Томскую губернию. В итоге первоначально позиционировавшееся как «сибирский областной съезд» совещание обрело статус «сибирской конференции общественных организаций». 8 августа 1917 г. участники конференции приняли постановление «Об автономном устройстве Сибири». «Было бы совершенно неправильно, – отмечалось в нём, – рассматривать народное представительство Сибири, как особый тип областного самоуправления. Последнее, как деятельность подзаконная, ничего общего с требуемым автономным устройством Сибири не имеет» [1. 13 авг.]. Таким образом, на первый план выдвигалась идея широкой территориальной автономии. В то же время, считая необходимым создание «для Сибири народного представительства с самостоятельной властью», в постановлении подчеркивалось, что «мы отнюдь не посягаем на целостность российской республики». Предполагалось, что в новой Российской республике Сибирь в качестве «автономной единицы» должна «обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, каковой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях». В дальнейшем «при постепенном расширении областной автономии» Сибирь «сможет передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий ее отдельным областям и национальностям, заселяющим определенную территорию». Автономная Сибирь, таким образом, сама должна была трансформироваться в федерацию «областей и национальностей, пользующихся, более или менее широкой автономией». Широкими правами планировалось наделить будущий сибирский парламент, в том числе в вопросах формирования местного бюджета, тарифной и переселенческой политики, народного образования, природопользования, общественной безопасности и т.д. В целом, в постановлении был намечен лишь общий контур будущего общественно-политического устройства Сибири.

Свое дальнейшее развитие идея автономного устройства Сибири получила на Первом областном съезде, проходившем в Томске с 6 по 17 ок-

тября 1917 г. В последний день работы было принято положение об областном устройстве Сибири. «При единстве Российской республики, – отмечалось в положении, – отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальной или территориальной, причем первый сибирский областной съезд считает желательным развитие принципа самоопределения областей и национальностей вплоть до осуществления организации всей Российской республики на федеративных началах» [1. 21 окт.]. Предполагалось, что высшим региональным законодательным органом станет Сибирская областная дума, избранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с «соблюдением начала пропорционального представительства». Высшей исполнительной властью планировалось наделить кабинет министров, ответственный перед Сибоблдумой. Таким образом, ключевыми понятиями в общественно-политическом устройстве Сибири, своего рода «узловыми точками» нарождавшегося сибирского политического дискурса становились: *областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, парламентская форма правления на региональном уровне*. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

В начале декабря 1917 г. в Томске собрался Чрезвычайный сибирский областной съезд. В декларации съезда по текущему моменту говорилось: «В дни государственного распада, в дни гражданской борьбы и небывалой катастрофы Великого Российского государства съезд полагает, что единственным источником зарождающейся общегосударственной власти, среди царящего безвластия, может быть только Всероссийское Учредительное собрание, пришедшее закрепить свободный и демократический строй великой Республики нашей и самоопределение всех народов и областей ее». В другой декларации съезда, обращенной к народам Сибири, указывалось: «Чрезвычайный Сибирский Съезд в сознании необходимости безотлагательного решения глубочайшей ответственности и важности выдвинутых жизнью вопросов твердо решил приступить к организации временной всесибирской социалистической власти. Социалистическая власть Сибири, служащая интересам всех народностей и полагающая все свои силы на уврачевание хозяйственных, продовольственных и многих других недугов, должна сплотить всех трудящихся в мощном стремлении к лучшему будущему Сибири и всей России. Власть только тогда будет жить и питаться доверием народа, когда она будет истинно-народной, когда она будет работать и творить все для народа и через народ» [2]. Сибирский политический дискурс, таким образом, получил

дальнейшее развитие. Его новыми «узловыми точками» становятся *Учредительное собрание* (как источник легитимности) и *социалистическое правительство* (от народных социалистов до большевиков). Происходит размежевание с «цензовыми элементами»: лишенные права решающего голоса представители торгово-промышленных кругов покидают съезд. Обозначились разногласия и в стане областников. Как писал в своих воспоминаниях И.И. Серебренников «...у беспартийных областников стали возникать подозрения в том, что партия социалистов-революционеров пытается использовать областническое движение в своих интересах; отсюда возникла оппозиция притязаниям эсеров на гегемонию в областном движении и стремление областников стать на собственные ноги». Съезд, декларировавший необходимость «немедленно найти путь мира внутри страны и прекратить гражданскую братоубийственную войну» сыграл ключевую роль в размежевании политических сил Сибири. В то же время съезд, несмотря на настроения значительной части делегатов, официально не занял антибольшевистскую позицию. Четко выраженный *антибольшевистский* (но не антисоветский) *характер* краевой власти проявился в заявлениях Сибирской областной думы. «Надежда всех областей и народностей, составляющих великую революционную Россию, – отмечалось в декларации Сибоблдумы, – всенародное Учредительное собрание – преступно растоптано большевиками и так называемыми «левыми эсерами». То, что составляло мечту и цель многих революционных поколений в тяжелой борьбе с царизмом; то, что являлось единственным якорем спасения великой революции; то истинное полное народоправство, которое только и могло закрепить и углубить завоевания революции – разбито и предано большевиками» [3].

Таким образом, образ областной власти, ее политический дискурс со временем эволюционировал. С одной стороны, получает развитие сама идея особой сибирской государственности. Как писал Г.К. Гинс: «Идея организации Сибирского Правительства выросла постепенно. Сначала, в августе 1917 г., представители революционных демократических организаций Сибири созвали в г. Томске конференцию для обсуждения вопроса о создании в Сибири истинных основ народоправства, и здесь уже впервые стал на реальную почву вопрос о необходимости конструировать сибирскую власть на особых основаниях. Далее, в октябре месяца созывается всесибирский съезд представителей тех же организаций, который уже решает созвать в декабре того же года чрезвычайный Сибирский областной съезд... на этом съезде уже прямо был поставлен вопрос

о настоятельной необходимости организовать особую сибирскую власть для управления автономной Сибирью» [4. С. 53].

Эволюционировал и сибирский политический дискурс, со временем наполнявшийся не только областнической, но и эсеровской риторикой. Формировавшаяся на его основе политическая идентичность привела к дальнейшей поляризации сил. Как отмечал тот же Гинс: «Искусственность подбора представителей в Сибирской Областной Думе вооружила против нее значительную часть интеллигенции, особенно из партии «народной свободы». Вызывала сомнения и сама идея сибирской автономии, которая казалась проявлением сепаратизма. Вооружились против думы и большевики» [4. С. 54].

Примечания

1. *Сибирская жизнь* (Томск). 1917.
2. *Бюллетень* Временного Сибирского областного совета. Б. д. № 1.
3. *Вестник* временного правительства автономной Сибири. Владивосток, 1918. 11 июля.
4. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008.